

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

1 АБ1 1988

ОДНАЖДЫ наивная ассистентка «очередного» фильма сказала ей: «Вы отказываетесь сниматься? Ну а как же деньги?!» «Да я сама готова вам заплатить, лишь бы не участвовать в этом...», — ответила она возможно спокойно. Ассистентка очень удивилась и, наверное, решила, что у актрисы плохой характер.

Хочу рассказать о Людмиле Дребневой — молодой актрисе театра имени Моссовета, потому что она прадана сцене, хоть и бывало ей на сцене непросто. Дело не только в том, что она — хорошая актриса (поговорим о ее ролях — попробуем это доказать), главное: для меня она — характерный тип современного молодого человека. Человека, для которого дело стало сутью жизни. Не карьера, не внешние почести — дело.

И еще потому рассказать хочется, что мы все-таки удивительно мало пишем про молодых актеров, особенно про театральные. (Я не имею в виду «рекламки» типа: родился, увлекся, снялся, женился...). А ведь они куда больше, чем «метры», нуждаются и в слове нашем, и в размышлениях. Жадуют такого разговора, но — увя... Нам бы все кого познаменитей да поизвестней.

ОЧЕНЬ хочется представить такую картину. Маленькая девочка, обязательно в пуховом платке — ведь дело происходит в Оренбурге — приходит на репетиции к своему отцу. Он — актер. На ее глазах рождается мир, которого еще минуту назад не было. И мир этот, где можно играть, но лгать нельзя — сцена не прощает лжи, — захватывает ее все больше. Однажды оказывается, что захватил навсегда.

Недавно, приехав в свой город, пришла к родителям: модная девушка, без всяких этих сентиментальных платков — и театр, представлявший некогда огромным, вдруг оказался очень маленьким. Раньше казалось: ложи были большие, величественные, таинственные, от них до сцены было так далеко. А теперь — рукой подать. Неужели и тайна театра просто так исчезнет?

Вот что страшно: когда из твоего дела исчезает ощущение чуда. Если служение превращается в службу — художник умирает.

В спектакле «Живой труп» Дребнева играет Машу. Первый раз я услышал, как она поет песни из спектакля в магнитофонной записи. Не поверил — решил, что ее цыганка «озвучивает». Столько было в песне истинно цыганской любви и тоски.

Потом несколько раз видел спектакль — Людмила никогда не повторяется. Песни поет не голос человека, но его душа. Выключи душу, выключи себя, играй на «технике» — роль не состоится. И зритель уйдет из зала обманутым.

А хочется, ой, как хочется выключить душу. Думаете, душа не устает? «Душа обязана трудиться», — написал поэт и был прав. Обязана-то она, конечно, обязана, но что с усталостью-то делать? Стой усталостью, когда падаешь на кровать и встать уже, ка-

жется, не сможешь никогда. А что делала? Кирпичи таскала? Да нет, песни пела. Цыганские песни. Играла роль.

Ее Маша — человек мятущийся. Точнее скажем: рвущийся, вырывающийся из обыденности. Она — сама страсть, само неистовство. Ее душа включена всегда.

Дребнева и сама такая — человек неудержимый и страстный. В свое время, не прouchившись в школе-студии МХАТ и полугода и не поладив с преподавателями, из школы-студии ушла. Представляете? Девчонка из Оренбурга прорвалась «на актрису» — сколько об этом мечтают! — и уходит, потому что никогда не умела (да так и не научилась) уважать людей исключительно за то, что они старше по званию или по должности.

которые в разговоре о ней неминуемо возникнут, и к самой Дребневой можно отнести. Она тоже такая же резкая и ироничная, но незащищенная и одинокая. Добрая той грубой добротой, которой я — и по-человечески, и по-зрительски — верю куда больше, чем доброте рафинированной, умеющей говорить всякие хорошие слова, но никогда ничего никому не делающей.

Дребнева играет девушку конца 50-х, но рассказывает о том, что нам так необходимо сегодня: об умении сохраниться, сохранить себя. Не предать все то лучшее, что есть в тебе, ради выгод, карьеры, да просто — жизненных удобств.

КСТАТИ, знаете ли вы, какова зарплата актрисы академического театра? Ведь еще нет-нет да и приходится слы-

профессионализм, зачем мучиться? — она не отвечает. Она бы сказала, что для нее понятия «судьба» и «театр» — синонимы, а к судьбе надо относиться серьезно. Но она не любит красивых фраз.

Вот идет спектакль «Человек как человек» по Бертольту Брехту — почти рок-опера. Музыка, пляшущий свет, оркестр на сцене — все, как надо. Когда на одном из спектаклей звукорежиссер забыл включить микрофон, Дребнева крикнула, как запроваженный рок-звезда: «Звук!» И начала петь свой зонг.

Но актриса старается насытить образ своей Леокадии Бегбик — владелицы походного трактора для солдат — не только характерностью, но и человечностью. Это требует большой актерской работы. Но ей важно, чтобы нам, зрителям, было не просто интересно наблюдать за ее героиней — было бы интересно разгадывать ее.

СЕГОДНЯШНЕЕ время принадлежит людям одержимым. Одержимость своим делом — качество, необходимое сегодня, чтобы не предать время, в которое живем. Одержимый человек не может жить легко, но только он может чего-то достичь в своем деле.

Не так давно Люда попала в автокатастрофу. Все обошлось, не считая того, что она с трудом могла вставать с кровати. Врачи сказали: сильный ушиб, лежать неделю. Утром следующего дня она играла «Человек как человек». Ходила быстро и резко. Залезала в подвешенный над сценой гамак. А вечером был выездной спектакль.

«Если уж я два таких спектакля выдержала, — сказала она, — то и бюллетень брать незачем. Отдохну день и послезавтра сыграю совершенно спокойно».

Если я скажу, что утром она пошла на репетицию, вы решите, что это «журналистский трюк». Но это было действительно так. Что поделаться, если в театре она выдерживает быстрее?

Наверное, надеюсь, когда-нибудь Люда получит и высокие звания, и квартиру ей в конце концов дадут. Но главное все же не в этом. Девочка в оренбургском пуховом платке однажды и навсегда сделала свой выбор: выбрала сцену. Чтобы со сцены говорить о самом главном, о необходимом, о наболевшем.

И вспоминается такая история, прочитанная в книжке.

Однажды режиссер подошел к совсем молодой актрисе, только что принятой в труппу театра, и спросил:

— Скажите, вы могли бы уйти в монастырь?

— Не-ет, — заикаясь, пробормотала актриса.

— А ведь театр — это тоже монастырь, — продолжил режиссер. — Работа в театре требует полной отдачи себя, отречения от многого в личной жизни. Служить искусству — это подвиг.

Актрису звали Алиса Георгиевна Коонен. Режиссера — Константин Сергеевич Станиславский.

Никаких параллелей, разумеется. Просто — разговор об истоках. Если хотите — напоминание. Очень актуальное, на мой взгляд.

А. МАКСИМОВ.

Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА.

МОНОЛОГ ПЕРЕД РАМПОЙ

Казалось бы, в судьбе молодой актрисы нет острых поворотов, но она честно служит своему делу, а значит — живет им

Пошла в ГИТИС — вспомнила, что на вступительных экзаменах там понравилась. Наивная девочка, кто бы взял ее в институт в середине учебного года...

Но удача любит рискованных. Фортуна улыбается искренним. В коридоре ГИТИСа к ней подошла ассистентка с Одесской киностудии и предложила попробоваться на роль.

Так, совершив безрассудный поступок, — как же ругали ее правильные и мудрые однокурсники! — она дважды в течение года снялась в кино. А потом общим порядком поступила в училище имени Б. В. Шуккина. И закончила. И хотя показывалась в театр имени Моссовета все ее однокурсники, взяли ее одну.

Что бы там ни говорили умные театроведы, для меня профессия актера — исповедальня. В своих героинях актриса защищает это право на неистовство. Право быть самой собой даже в тех ситуациях, когда, казалось бы, это невыгодно.

Пишу, например, о Жене Шульженко из замечательной пьесы Александра Володина «Фабричная девчонка» и понимаю, что все те эпитеты,

пять разговоры о какой-то «сверхбогатой» и «сверхпьющей» жизни актеров. Так вот, получает 160. Это недавно. Раньше было 120. Если бы Дребнева снималась во всех фильмах, куда ее приглашают, наверное, уже построила бы себе кооператив. Она снимается редко. И не в шутку готова деньги заплатить, лишь бы не принимать участия в фильме, который явно мимо зрителя пройдет.

Однажды Люда нарисовала картину — теперь она висит у нее на стене, в общежитии. Задумчивая женская фигура склонилась над скрипкой, чуть поодаль лежит смычок. О чем думает эта нарисованная женщина? Страшно ли ей брать скрипку — сыграть ли? А может быть, был момент отчаяния — отбросила скрипку и теперь склонилась, прощения просит, потому что не может без музыки жить? А может быть, просто рассматривает скрипку, размышляя: как же угораздило выбрать себе такое ремесло?

Музыка рождается только в душах тех, кто серьезно к ней относится. Музыка актерского дела — тоже. Потому что актер играет собой — больше ничем. Как много у нас актеров — и молодых, и не очень, которые в гонке за популярностью потеряли себя, по сути, давно перестали быть творцами, и лишь знакомое лицо мелькает из картины в картину, вызывая раздражение, и не более того. Дребнева не хочет такой судьбы. И потому живет трудно.

Я листал экземпляр пьесы, которую она сейчас репетирует, с ее пометками. Это пометки человека, для которого работа над ролью — процесс мучительный. Мучительный, но необходимый. Она трудно работает с режиссерами, потому что ничего не делает автоматически — ей надо понять. Когда ее спрашивают: «Зачем так? Ведь наработан